

Юлия Александровна Воропаева

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Россия
voporaeva_yua@pfur.ru

 ORCID 0000-0002-5425-3359

<https://orcid.org/0000-0002-5425-3359>

Алексей Юрьевич Овчаренко

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Россия
ovcharenko_ayu@pfur.ru

 ORCID 0000-0002-8544-5812

<https://orcid.org/0000-0002-8544-5812>

Ирена Микулацо

Университет Пулы им. Юрая Добрилы, Хорватия
irena.mikulaco@unipu.hr

 ORCID 0000-0001-6813-381X

<https://orcid.org/0000-0001-6813-381X>

От «Хрустального дворца» до «Котлована». Футурологические идеи в русской литературе. Постановка проблемы

Izvorni znanstveni rad /

Original scientific paper

UDK 821.161.1.09“1920/1930“

821.161.1.09Dostoevskij, F. M.

1Odojevski, V.

7(47+57)

72(47+57)

<https://doi.org/10.32728/tab.21.2024.7>

Primljeno / Received: 20. prosinca 2023.

Prihvaćeno / Accepted: 1. ožujka 2024.

АННОТАЦИЯ

В статье поставлена проблема изучения эволюции футурологических идей в русской литературе от В. Одоевского до Ф. Достоевского и их влияние на поздние представления о будущем обществе и будущем человеке в литературе 1920–1930-х гг. Актуальность темы обусловлена как общим возросшим интересом к русской культуре и литературе 1920–1930-х гг., так и возникшими в год 200-летия Ф. Достоевского новым прочтением рецепций идей писателя в послереволюционной литературе, особенно в текстах «забытых» авторов – В. Кириллова, Я. Окунева, В. Итина, И. Катаева и др.

Научная новизна статьи состоит в установлении возможных связей идейно-художественного мира Ф. Достоевского с полем идей 1920–1930-х гг., включая не только литературу, но и живопись (Александр Лабас), и архитектуру русского конструктивизма и авангарда (Георгий Крутиков, Иван Николаев, Иван Леонидов, Яков Чернихов и мн. др.).

Ключевые слова: русская литературная утопия и антиутопия, В. Одоевский, Ф. Достоевский, русская литература, искусство и архитектура 1920–1930-х гг.

1. ВВЕДЕНИЕ

Генезис русской утопической идеи, русский космизм, русская народная утопия, включая старообрядческую, русская литературная утопия и антиутопия изучены довольно полно (Ануфриев 2002; Воробьёва 2009; Гюнтер 2011; Калинин 2002; Ковтун 2005; Павлова 2006; Чистов 2003).

Наибольшее внимание исследователей привлекают роман И. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» (1922), повесть А. Чаянова – аграрная утопия «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920), романы Е. Замятина «Мы» (1920) и «Чевенгур» (1927) Андрея Платонова (Ланин 1993, 2011). Исследована их связь с евангельскими сюжетами, с классической русской литературой и философией русского космизма, – образ Единого Государства у Ф. Достоевского (Хрящёва, 2011) и М. Салтыкова-Щедрина, стеклянные дворцы из четвёртого сна Веры Павловны Н. Чернышевского, и с современной им русской литературой и философией, – Н. Фёдоров, А. Богданов, А. Гастев и Пролеткульт, В. Муравьёв и др. (Гачева 2019).

Однако пока недостаточно исследовано восприятие русских утопических идей, их трансформация в представления о будущем мире и будущем человеке не только в послереволюционной литературе, но и более широком историко-культурном контексте. Представляет особый интерес и диалог с современниками: социалистические утопии А. Богданова – дилогия «Красная звезда» (1908) и «Инженер Мэнни» (1913), «Республика Южного Креста» (1904) В. Брюсова и первая редакция романа А.Н. Толстого «Аэлита» (1921), «Страна Гонгури» В. Итина (1922), «Грядущий мир» (1922) Я. Окунева и роман Замятина «Мы», (Скороспелова, 2014), «Зависть» Ю. Олеси (1927) и «Сердце» И. Катаева (1927) и мн. др., с русской классической литературой, и, особенно, с визуальными искусствами 1920–1930-х гг., живописью и архитектурой русского авангарда. А, между тем, воплощение идей и слова в архитектуре и живописи является крайне важной темой для всей революционной культуры, когда, по словам теоретика производственного искусства (Заламбани, 1995) Бориса Арватова, «художник захотел строить» (Б.А. 1923: 62). Яркими примерами этого служат идеи и поэзия Пролеткульта, «Башня Татлина», поэты ЛЕФ и конструктивисты, Государство времени В. Хлебникова, его поэзия и

живопись П. Филонова, проект советского «Города-сада» и крестьянская утопия А. Чаянова – мир, в котором Великим декретом уничтожены города и т. д. Поэтому постановка проблемы концептуализации историко-литературного контекста творчества писателей разных художественных направлений может дополнить картину творческого взаимодействия русской классической литературы и литературы послереволюционной, картину развития жанра утопии и антиутопии в новейшей русской литературе: содружество «Великого кольца» И. Ефремова, «Мир Полудня» А. и Б. Стругацких, «Ордусь» Хольма ван Зайчика, Москореп – Московская коммунистическая республика – в романе «Москва 2042» В. Войновича (1986), романы Т. Толстой «Кысь» (2000), «Маскавская Мекка» (2004) А. Волоса, повести «День опричника» (2006) и «Сахарный Кремль» (2008) В. Сорокина и др.

2. МЕТОДЫ

Все эти произведения созданы в рамках давней историко-литературной традиции, в том числе и российской, но обычно исследователи обращаются к традиционному, ставшему уже шаблонным, набору текстов. Но и сами авторы, и их тексты существуют, по справедливому замечанию Б. Эйхенбаума, не в безвоздушном пространстве, и важно проследить влияние на них «литературного воздуха эпохи», *Zeitgeist* (духа времени), провести общий культурно-исторический анализ выбранных текстов.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ

В русской фантастике XIX – начала XX веков представлены разные картины будущего, в основном – утопические. Это, прежде всего, роман В. Одоевского «4338 год: Петербургские письма» (1837), описывающий, по словам В. Белинского, «грядущую мирообъемлющую» судьбу России, занимающей целое русское полушарие и являющейся вместе с Китаем одним из двух центров мира. Эта идея нашла дальнейшее развитие в цикле повестей «Плохих людей нет» (2000–2005) Хольма Ван Зайчика (творческий псевдоним В. Рыбакова и И. Алимова), близком по своему пафосу роману В. Одоевского, Россия превратилась в Ордусь, вобрав в себя и Орду.

Рассказы В. Одоевского «Последнее самоубийство» и «Город без имени» (оба 1844), напротив, по своим жанровым признакам представляют антиутопии, направленные на развенчание идей экономистов-прагматиков Т. Мальтуса и И. Бентама, на борьбу с «насущностью и полезностью» (Е. Баратынский).

Позже именно Ф. Достоевский развил эти идеи В. Одоевского, добавив в число противников «живого христианства» и социализм, затем – русский нигилизм, создав «Бесы», – один из многих русских «антинигилистических» романов. В философской нероманной прозе, – «Зимние заметки о летних впечатлениях» (1863) и фантастическом (авторское определение Достоевского) рассказе-утопии – «Сон смешного человека» (1877), посвящённых теме, на долгие годы ставшей едва ли не главной в русской философии и литературе – «Россия и Запад», развивается и постоянный мотив творчества писателя – не о прошедшем, а о будущем золотом веке (Достоевский 1983: 402).

В переходные эпохи взаимоотношения старой культуры и новой, находящейся в процессе становления, наиболее напряжены и развиваются в диалектическом диалоге. В русской религиозной философии начала XX в. переосмыслены и пересозданы образы Н. Гоголя, А. Пушкина, и особенно Ф. Достоевского – «духовного первоисточника» (Н. Бердяев) и др. Этот диалог развивался в противопоставлении, отрицании, а также и в переосмыслении образов будущего общества в русской литературе: хрустальные (стеклянные) дворцы В. Одоевского и Н. Чернышевского, И. Катаева, В. Итина, В. Кириллова, Я. Окунева – и «прозрачный», деиндивидуализированный мир романа «Мы» Е. Замятина.

И. Катаев в программной статье «Об искусстве и грядущем человеке» (1929) задавался вопросом, волновавшим всех – каким будет человек в этом новом мире «зелёных городов-садов», «множества серых стеклобетонных зданий с блестящими и умными машинами и миллионов гектаров тучной, сообща обработанной земли, откуда обильным потоком хлынут тепло, голубой свет, пища и одежда для всех живущих», – «...сохранит ли он богатство и тонкость души?» (Катаев 1933). Позже на этот вопрос утвердительно ответили классики русской фантастики – И. Ефремов («Туманность Андромеды», 1956, «Сердце змеи», 1958) и братья А. и Б. Стругацкие («Полдень, XXII век» – в этих произведениях показаны прекрасные физически и духовно люди: Дар

Ветер и Веда Конг («Туманность Андромеды»), люди Мира Полудня братьев Стругацких.

Идеи будущего мира и будущего города нашли визуальное воплощение в недолгом десятилетии российского архитектурного конструктивизма – проект летающего города Георгия Крутикова, дом-коммуна Ивана Николаева, летящая динамика картин Александра Лабаса, архитектурные фантазии Якова Чернихова, вдохновившие Нормана Фостера, стеклянные небоскрёбы Ивана Леонидова, дом-мастерская архитектора Константина Мельникова. Не всегда исследователи осознают это взаимодействие, эти сложные отношения между социальными идеями, словом и их визуализацией.

Это было парадоксально переосмысленное воплощение образов будущего из публицистики и прозы Ф. Достоевского – «муравейник», «курытник» и «стеклянный дворец», пересказанное В. Розановым (Розанов 1996: 87–88; 122). Вряд ли это было прямое переосмысление идей Ф. Достоевского: его боязнь прозрачности, коллективности и практицизма стала пафосом будущего общества, она была преобразована фактически в представления о самом будущем как о мире металла, стекла и умных машин, домов-дворцов – город будущего Александры Коллонтай с его огромными дворцами, где жители расселены по возрастам в «Дворцы ребёнка» и «Дом отдохновения» для стариков («Скоро. Через 48 лет» 1923) и проект ансамбля дома-коммуны для Анжеро-Судженска Николая Кузьмина (1928—1929) с его *Графиком жизни*, когда член коммуны от своего рождения до смерти проходит полный цикл жизни внутри этого особым образом спланированного дома.

Это должен был быть мир человеческого общежития, мир коллективного быта, которого опасался Е. Замятин или же мир общего труда, наполненный светом и теплом, мир общего труда и общего отдыха в рассказе А. Коллонтай «Скоро. Через 48 лет» (1923), в повести И. Катаева «Сердце» (1927), в романе Я. Окунева «Грядущий мир» (1923), рассказе В. Кириллова «Первомайский сон» (1921) и т.д. «Четвертак» Андрея Бабичева в романе «Зависть» Ю. Олеси – гигантский дом-кухня, «Дом на набережной» (1931) Б. Иофана как проект дома-города замкнутой структуры для партийной и советской элиты из книги Ю. Слёзкина «Дом правительства» (2019) – и дома из

романов В. Итина, Я. Окунева и рассказа В. Кириллова, будущий мир из речи члена Содружества «Перевал» И. Катаева.

Фобии и предвидения Ф. Достоевского воплотились, тем не менее, в теориях Пролеткульта, хотя и нет прямых доказательств, что Алексей Гастев, основоположник теории научной организации труда, идеолог Пролеткульта, переосмысливал эти суждения Ф. Достоевского. А. Гастев писал о том, что именно пролетариату, в силу его массовости и связанности одной общей идеей, индивидуальность будет только мешать строить новый мир, именно «...поразительная анонимность позволяет квалифицировать отдельную пролетарскую единицу как А, Б, С или 325, 075 и 0 и т.п.; ... как будто уже нет человеческого индивидуального лица, а есть ровные нормализованные шаги, есть лица без экспрессий, душа, лишённая лирики, эмоция, измеряемая не криком, не смехом, а манометром и таксометром». (Гастев 1919: 75–76). Новый человек, по мнению теоретиков ЛЕФ не воспитывался, а изговаривался: «К железопрокату! К землепрокату! К человекопрокату! Железное время делать железным людям» (ЛЕФ 1927: 1).

Эта точка зрения поддерживалась и партийной элитой. В 1925 г., выступая на диспуте о судьбах русской интеллигенции, Н. Бухарин говорил: «Да, мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их как на фабрике» (Бухарин 1925:7).

Боязнь коллективизма и практицизма наступающего мира капитала, машин и власти денег, ведущих к стиранию индивидуальности, к бездуховности у Ф. Достоевского получили художественное воплощение в романе-антиутопии Е. Замятина «Мы», в образе деиндивидуализированных личностей с индексами вместо имён: Е. Замятин, возможно, использовал идею Хьюго Гернсбека – «Ральф 124С 41+ Роман о жизни в 2660 году» (1912).

Е. Замятин не единственный предостерегал от буквального следования этим теориям: в забытой повести-антиутопии Андрея Марсова «Любовь в тумане будущего. История одного романа в 4560 году» (1924) «ультра-Расмовские лучи» просвечивают каждого, добираясь до самых сокровенных мыслей, «психоконтрольные доски» и «Слуги общественной безопасности в Великой республике мирового разума контролируют все, от рождения до смерти» (Марсов, 2015). В своей антиутопии «Долина новой жизни» (1928) также, очевидно,

художественной реакции на идеи А. Гастева, Фёдор Ильин (Ильин, 1928) писал об искусственном создании расы людей с определёнными генетически заложенными функциями, а Ефим Зозуля в романе с знаковым для тех лет заголовком «Мастерская человеков» (1930) рассказывал о буквальной лепке из «человеко-теста» и из частей трупов новых людей, предлагая будущим владельцам выбрать из каталога образец человека, наделённый определёнными заданными функциями под определённым номером. Герои романа шли в своих фантазиях дальше гомункулуса Фауста: «Каталог необходим. Разместим людей по номерам. И будем спрашивать заказчиков – вам что? Кто нужен? Такой-то и такой-то? Пожалуйста, номер 15, 16, 2, 23. И все.... Прямо – вам что нужно? То-то и то-то? Пожалуйста! Жарь по номеру 42 или 29, или 17 – и все» (Зозуля 2012: 245).

Если для одних будущий мир, благодаря использованию инновационных материалов, был бы наполнен светом, объемом и красотой зданий из стекла, бетона и металла (И. Катаев, В. Кириллов, В. Итин, Я. Окунев, архитекторы-конструктивисты и др.), стал бы «овеществлённой утопией» в проекте Антона Лавинского (Б.А. 1923), то для других эта всеобщая прозрачность, возникновение коллективного быта стали бы угрозой личной жизни, свободе и частному пространству, – противопоставление «Четвертака», гигантской кухни-столовой Ю. Олеси, разрушающей прежний быт, и кооперативной столовой, дарящей всем уют, И. Катаева в романах «Зависть» и «Сердце». Этот пафос коллективизма нашёл выражение и в архитектуре дома-коммуны в Москве. Н.В. Докучаев, идеолог создания домов-коммун «...с минимальной, индивидуального пользования, жилой площадью, с архитектурно оформленными и хорошо оборудованными помещениями для коллективного пользования всех жильцов» (Докучаев, 1926:24) утверждал, что «... Коммунальный режим подобного типа домов для рабочих выведет последних в большие залы, гармоничные по форме, полные света и воздуха. Общаясь с коллективом жильцов такого дома-коммуны, рабочий научится жить коммунально и не бояться пространства» (Докучаев 1926:24). Хотя, кроме фаланстера Ш. Фурье, ставшего своеобразным мемом ещё в XIX в., таких «коммунистических колоний» было много (Энгельс, 1929: 251 – 269), как и артистических «богемных» общежитий – легендарный парижский «La Ruche» – «Улей» (La Ruche – Artistes – 75015 – Paris) и общежитие ВХУТЕМАС в Москве (Короткий век ВХУТЕМАСа. Как

появился и исчез первый советский институт дизайна / Новости города / Сайт Москвы (mos.ru)

Примечательно, что в альтернативной России из романа В. Пелевина «Смотритель» (часть 1 – «Орден жёлтого флага», 2015) созданные при монастырях учебные заведения называются фаланстерами.

4. ОБСУЖДЕНИЕ

Эта большая тема требует более подробного исследования, пока же можно сделать лишь предварительные выводы: в научно-технических утопиях акцент делался на «чудеса техники», образы героев не отличались психологизмом. Описание мира будущего было почти аналогично картинам из романов В. Одоевского и Н. Чернышевского, но с оговорками о том, каким должен быть новый человек. Сам же новый мир был примерно у всех одинаков; другие – как Е. Замятин, Я. Окунев, Ф. Ильин, Е. Зозуля, А. Марсов – писали об опасности создания нового человека и об опасности обезличивания, стандартизации, тотального контроля.

Идеи и образы будущего, которого опасался Ф. Достоевский, парадоксально, и едва ли осознанно стали важными у Пролеткульта, в архитектуре русского конструктивизма, у ЛЕФ, воспевалась именно коллективность, открытость, отсутствие психологизма и частной жизни. Особняком стоит Андрей Платонов, чей глубинный диалог с Ф. Достоевским, зачисленным к середине 1930-х гг. в реакционеры, шёл не только в публицистике, но и в прозе. Эти взаимоотношения писателей и их социальная прогностика подробно описаны (Ипатова 2008).

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перспективным представляется дальнейший сопоставительный анализ текстов русских литературных утопий XIX – XX веков в их идейно-культурном диалоге с социально-философскими идеями первой половины XX в. Хорошо изучены различные идейно-стилистические аспекты «магистральных» текстов – «Красная звезда» А. Богданова, «Мы» Е. Замятина, «Аэлита» и «Гиперболоид

инженера Гарина» А. Толстого, «Чевенгур» и «Котлован» А. Платонова, но их связь с литературной почвой, 1920–1930-х гг., с огромным корпусом забытых или малоизвестных текстов как метрополии – Михаил Козырев «Ленинград» (1925), Ян Ларри «Страна счастливых» (1931), Фёдор Ильин «Долина новой жизни» (1928), Вивиан Итин «Страна Гонгури» (1921), Владимир Кириллов «Первомайский сон» (1921), так и литературы эмиграции первой волны – П. Краснов «За чертополохом» (1921) и мн. др., их идейно-жанровое взаимодействие с русской литературной утопией и антиутопией конца XX – начала XXI в. «Остров Крым» В. Аксёнова (1979), «Французская ССР» А. Гладилина (1985), «Москва 2042» В. Войновича (1986), «Завтра в России» Э. Тополя (1989), «Невозвращенец» А. Кабакова (1988), «День опричника» (2006), «Сахарный Кремль» (2008), «Метель» (2010), «Доктор Гарин» (2021) В. Сорокина, «Смотритель» В. Пелевина (2015) и многочисленными текстами «альтернативной фантастики», основоположником который был Михаил Первухин, автор, в частности, романа о победе Емельяна Пугачёва – «Пугачёв-победитель» (1924) и его воцарении на троне, пока не исследованы.

Феномен «художественная жизнь», который ввёл в научный оборот Г. Стернин (Стернин, 1970), вместе с понятиями «литературная жизнь» и «литературный быт» русских формалистов могут, очевидно, создать более полную картину творческой жизни России тех лет, при этом неразрывную связь визуальных искусств и архитектуры с воплощённым в них словом, литературой ещё предстоит изучить более полно.

ЛИТЕРАТУРА

Ануфриев, А.Е. (2002). *Утопия и антиутопия в русской прозе первой трети XX в.: Эволюция, поэтика: дисс. ... докт. филологич. н.*: 10. 1. 01. – Москва.

Б.А. *Овеществлённая утопия*, ЛЕФ, 1923, 1, 62–65

Бухарин, Н. (1925). Судьбы русской интеллигенции (стенограмма речи на диспуте о судьбах русской интеллигенции 10 марта 1925 г.), в: *Печать и революция*, 3, 7.

Воробьёва, А.Н. (2009). *Русская антиутопия XX – начала XXI веков контексте мировой антиутопии: дисс. ... докт. филологич. н.*: 10. 1. 01. Саратов.

Гастев, А. (1919). *Контуры пролетарской культуры*. в: *Индустриальный мир*, Всеукраинское отделение искусств. Харьков: Наркомпрос,.

Гачева, А.Г. (2019). *Русский космизм в идеях и лицах*. Москва: Академический проект.

Гюнтер, Х. (2011). *По обе стороны утопии. Контексты творчества Андрея Платонова*. Москва: Новое литературное обозрение.

Десять (передовая), ЛЕФ, 1927, 8–9, 1.

Докучаев, Н. (1926). *Архитектура рабочего жилища*, Советское искусство, 3, 24.

Достоевский, Ф.М. (1983). *Сон смешного человека*, в: Достоевский. Ф.М. *Собр. соч. в 30 тт.*, т.25. Москва: Наука.

Евлампиев, И.И. (2015). Русская литература о грядущем совершенстве человека, в: В. Одоевский – Ф. Достоевский – А. Платонов: *Философские науки*, 4, 37–49.

Заламбани, М. (2003). *Искусство в производстве: Авангард и революция в Советской России 20-х годов*. Москва: ИМЛИ РАН, Наследие.

Зозуля, Е.Д. (2012). *Мастерская человека, в: Зозуля Е.Д. Мастерская человека и другие гротескные, фантастические и сатирические произведения*. Одесса: Пласке.

Ильин, Фёдор. (1928). *Долина новой жизни*. Москва: Круг.

Ипанова, С.И. (2008). «Муравейник» в социальной прогностике Платонова и Достоевского, в: *Творчество Андрея Платонова*. Санкт-Петербург: МАИК Наука/Интерпериодика.

Калинин, И.А. (2002). *Русская литературная утопия XVIII–XX вв.: Проблемы поэтики и философии жанра дисс. ... канд. филологич. н.: 10. 1. 01.*, Санкт-Петербург.

Катаев, И. (1933). Речь на Первом пленуме оргкомитета Союза советских писателей, в: *Советская литература на новом этапе, «Советская литература»*. Москва, С. 96–97.

Ковтун, Н.В. (2005). *Русская литературная утопия второй половины XX века*. Том. ун-т, Томск.

Ланин, Б.А. (2011). Наследие Евгения Замятина и современная русская антиутопия в: *Acta Slavica Iaponica*, 29, 49–63.

Ланин, Б.А. (1993). *Русская литературная антиутопия XX века*. М: Б.и., 198 с.

ЛЕФ, 1923, 4, 108.

Марсов А. (2015). *Любовь в тумане будущего. (История одного романа в 4560 году)*. Salamandra P.V.V.

«Мы»: *Текст и материалы к творческой истории романа*, (2011). Санкт-Петербург: Миръ.

Павлова, О.А. (2006). *Русская литературная утопия 1900–1920-х гг. в контексте отечественной культуры: дис. д-ра филол. н.: 10. 1. 01*, Волгоград.

Розанов, В.В. (1996). *Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского*. Москва: Республика.

Скороспелова, Е.Б. (2014). Роман «Мы»: художественно-философская проза, в: *Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности. К 130-летию со дня рождения Е.И. Замятина*. Тамбов – Елец, Вып.2, 101–120.

Стернин, Г.Ю. (1970). *Художественная жизнь России на рубеже XIX–XX веков*. Москва: Искусство.

Турьян, М.А. (2016). Об антиутопиях Владимира Одоевского: по ком звонит колокол, в: *Вопросы литературы*, 5, 225–242.

Турьян, М.А. (2013). *Русский «фантастический реализм» статьи разных лет*. Санкт-Петербург: Росток.

Хрящева, Н.П. (2011). Парадигма Ф. Достоевского в творчестве А. Платонова 1920-х годов, в: *Уральский филологический вестник*. Серия: «Русская литература XX–XXI веков: направления и течения», 12, 82–95.

Чаликова, В.А. (1994). Утопия и свобода: Эссе разных лет, в: *Весть*, Москва.

Чистов, К.В. (2003). *Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд)*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.

Энгельс, Ф. (1929). Описание возникших в новейшее время и ещё существующих коммунистических колоний. в: *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения*. Москва-Ленинград, Т.III.: Госиздат.